

Чебаненко Т. А.

Миниатюры Радзивиловской летописи как музейный и исторический источник

В статье раскрывается значение Радзивиловской летописи не только как источника знаний о домонгольском периоде средневековой Руси, но и как музейного источника, важного для комплектования музейных фондов и экспозиционного проектирования.

Ключевые слова: миниатюры, иллюстрированная летопись, княжеские усобицы, символика, произведения живописи, интерпретация художественных произведений, музейная экспозиция.

Актуальность исследования. Для домонгольского периода средневековой Руси изучение многих аспектов истории повседневности и духовной культуры общества осложняется бедностью источниковой базы, а также неразработанностью имеющихся источников. По мнению специалистов, от этой эпохи до нашего времени дошло менее одного процента всех созданных тогда сочинений [1, с.6]. Но вместе с тем, опираясь на письменные источники, историки совершенно недостаточно используют визуальные материалы: произведения живописи, миниатюры иллюстрированных летописей, псалтырей, синодиков, богослужебных книг, предметы прикладного искусства. Может быть, их более широкому вовлечению в орбиту исторической науки будет способствовать появление искусствоведческих работ, в которых анализируются произведения изобразительного искусства. Ее принципы и методы активно обсуждаются в последние годы

на страницах ряда научных изданий, в первую очередь, журнала «Искусствознание» [2]. Для историков особенно важно, что специалисты по истории и теории искусства выдвигают на первый план проблему интерпретации художественных произведений, анализируя замысел, которым руководствовался автор-художник. Развитие этого современного направления искусствоведческих исследований позволит не только углубить понимание того или иного конкретного произведения, но и создать мощный культурный пласт, который способен придать новый импульс изучению духовной культуры специалистами разных областей гуманитарного знания.

Всестороннее исследование памятников изобразительного искусства имеет первостепенное значение для теории и практики музейного дела при реализации всех направлений музейной работы: экспозиционно-выставочной, научно-фондовой и просветительной. Большое внимание

специфике музейного источниковедения уделял А. М. Разгон. Он подчеркивал, что весь комплекс решаемых музеем задач, в том числе и экспозиции, замыкается на источниковедческих исследованиях [3, с. 115]. В его трудах обоснованы методологические принципы изучения музейного предмета, в котором наряду с семантическим аспектом, характеризовались такие важнейшие свойства, как экспрессивность и аттрактивность, то есть способность вызывать эмоции, привлекать внимание. Подобными качествами в полной мере обладают художественные произведения. Не все из них могут быть поняты современными зрителями, не знающими образно-символического языка древнерусского искусства. Но если удастся проникнуть в скрытый смысл, расшифровать символические значения, то наполняется жизнью далекое прошлое, и мы становимся свидетелями внутренних переживаний людей, вызванных конкретными обстоятельствами их бытия в давно ушедшие эпохи.

Богатейшим источником социально-культурной информации, в котором выражены мировоззренческие и нравственно-этические представления русского средневекового общества, являются миниатюры Радзивилловской летописи, созданной в конце XV в. Как установили исследователи, летопись представляет собой список с Владимирского свода 1206 г. Это самая древняя из известных в науке иллюстрированных летописей. Соединяя в свод летописа-

ние многих городов Древней Руси, в том числе созданные ранее своды (например, 997 г.), авторы использовали имевшиеся в них рисунки, сохраняя особенности оригинала. По подсчетам Б. А. Рыбакова, в распоряжении владимирских художников-копиистов могло быть до 16 лицевых рукописей или их фрагментов, относящихся к X-XII вв. [4, с. 76]. Подобный же подход, выразившийся в тщательности копирования, по мнению ученых, характеризовал работу создателей Радзивилловского списка Владимирского летописного свода.

О работе художников XV в. существует значительная научная литература, в ней освещаются различные аспекты коллективного труда безымянных мастеров по созданию миниатюр [5, с.302]. Описывали и анализировали миниатюры Радзивилловской летописи историки Б. А. Рыбаков, А. И. Клибанов, М. В. Кукушкин, А. А. Амосов, Н. И. Сергеева и др. Исследователи установили, что количество иллюстраций, посвященных тому или иному лицу, отбор эпизодов находились под жестким контролем князей-заказчиков. По наблюдениям Б. А. Рыбакова, Владимир Мономах и его сын Мстислав в своих интересах отредактировали Повесть временных лет и, «по всей вероятности, лицевая рукопись Нестора после переработки была заново переписана и заново проиллюстрирована» [6, с. 76]. В силу этого, миниатюры во многом отражают официальную точку зрения на происходившие события,

они пристрастны в оценке деятельности князей, их политики, их роли в жизни общества. Но, несмотря на это, сквозь мощную преграду, поставленную заказчиками и редакторами, прорывается независимый голос о добре и зле, об их проявлениях в социальной жизни. Особенно отчетливо это противостояние взглядов обнаруживается при описании княжеских усобиц.

Цель данной статьи – попытаться восполнить пробелы, существующие в отечественном музееведении в отношении освещения и анализа исторических источников, показать значение Радзивилловской летописи не только как источника знаний о конкретной эпохе, но и как музейного источника, важного для комплектования фондов и экспозиционного проектирования. Основными задачами являются рассмотрение вопросов знаковой семиотической природы миниатюр Радзивилловской летописи, их символики и символического смысла, возможностей интерпретации в музейной экспозиции.

Как известно, в середине XI в. Ярославом мудрым был установлен своеобразный государственно-политический порядок наследования по старшинству как великокняжеского стола в Киеве, так и других земель и городов в Руси, при котором князья постоянно передвигались с младшего стола на старший, с худшего на лучший. Княжеские усобицы, начиная со второго поколения Ярославовичей, в основном были связаны с трудностями определения

старшинства. В. О. Ключевский отмечал, что «князья не умели выработать способа точно определять старшинство, который разрешил бы все спорные случаи в их генеалогических отношениях» [7, с. 190-191]. Сложная ситуация разрешалась либо договором, либо военной силой. Теория местничества, сложившаяся в политическом сознании Ярославовичей, по сути, оправдывала междоусобные войны как способ решения наследственных споров. Но в летописях мы находим свидетельства того, что уступчивость князей не давала разгораться династическим войнам. В своих действиях они исходили из общегосударственных интересов и христианской морали. В первую очередь следует назвать Владимира Мономаха, который после смерти своего отца Всеволода Ярославича не стал претендовать на высококняжеский стол в Киеве, уступив его Святополку – также внуку Ярослава, но от старшего сына, Изяслава.

В отечественной истории Владимир Мономах прославился не только высоким политическим сознанием, доблестными победами над степными кочевниками, но также как автор знаменитого «Поучения», наставлявшего потомков в деле управления государством, согласуясь с нормами христианской морали. Были и другие русские князья, умевшие подняться выше личных выгод в наследственных спорах, но, к сожалению, доминировали корыстные интересы, несговорчивость, стремле-

ние любой ценой заполучить лучшие города и земли.

Особенно длительное и кровавое противостояние возникло между двумя ветвями потомков Ярослава по линии его сыновей Святослава и Всеволода, которые в третьем поколении составили многочисленные семьи, называвшиеся летописью «Ольговичи» и «Владимировичи». Ольговичи не признавали прав на великое княжение у потомков Владимира Мономаха, считая свою родственную линию, идущую от второго сына Ярослава, более старшей, что давало им преимущества перед Владимировичами. Сам Владимир Мономах обогнал родственников старшей линии благодаря вмешательству в порядок очередности по старшинству жителей Киева. Они пригласили Мономаха на киевский стол, оценив его личные качества, особенно воинский дар: он вел успешную борьбу со степными кочевниками. В своем «Починении» он писал, что совершил 83 крупных похода и заключил 19 мирных договоров с половцами. Святославичи не противились желанию киевлян, уступив Мономаху свои права.

Положение резко изменилось, когда киевский стол заняли сыновья Мономаха. Кровавая усобица между Владимировичами и Ольговичами растянулась на четверть века, пока они не добились великого княжения. В 1132-1139 гг. великим киевским князем был второй сын Владимира Мономаха – Ярополк. В эти годы в летописи от-

мечаются периодические военные столкновения между родственными кланами. То Ольговичи с союзниками выступают против Киева, то Ярополк осуждает Чернигов – отчину Ольговичей. Это противостояние нашло отражение в 13 миниатюрах Радзивилловской летописи [8, с. 166].

По другим рисункам этого цикла мы убеждаемся, что художник умело строит композицию картины, в частности, миниатюры «Осада Чернигова войсками Ярополка Владимировича», внося в нее такие детали, которые позволяют понять семантику изображения, скрытый смысл той или иной сцены. Снова Ярополк с союзными князьями стоит под стенами Чернигова – в ответ на военную акцию Ольговичей, пытавшихся вместе с половцами атаковать Киев. Справа на миниатюре – условное изображение города в виде башенки с зубцами. В центре композиции дружина князя в полном воинском снаряжении, готовая к штурму. В ряде миниатюр в подобных случаях присутствует герольд-трубач, который подавал соответствующие сигналы – о начале боевых действий, отступлении или победе. Здесь же слева изображен юноша, который трубит в огромный охотничий рог. Этот образ позволил художнику охарактеризовать ситуацию и дать ей оценку. Город окружен плотным кольцом, из которого невозможно вырваться. Видимо, Ольговичи своими усобицами вызвали гнев многих. Под знаменами Ярополка собралось 30 тысяч войнов. Летопись пере-

числяет: здесь были дружины из Ростова, Полоцка, Смоленска, Киева и др. городов. Увидев эту огромную армию, жители заставили Всеволода Ольговича просить мира. Они рассчитывали на милосердие Ярополка, который не жаждал кровопролития и всегда стремился договориться с противником. Крестоцелованием и заверениями черниговского князя о полном подчинении Киеву закончился и этот поход.

На одной из миниатюр представлена сцена примирения Ярополка Владимировича Киевского и Всеволода Ольговича Черниговского. В этой композиции, типичной для подобных ситуаций, вновь привлекает внимание изображение трубача, который вряд ли уместен в обстановке мирной беседы князей с поднесением даров Ярополку. Геральд с огромной трубой – в человеческий рост – изображен несколько в стороне, за границами картины. Создается впечатление, что художник хотел подчеркнуть важность происходящего события. Оно достойно того, чтобы всему миру «протрубить» радостную весть о примирении князей, о том, что на сей раз обошлось без кровопролития. Приведенные миниатюры размещаются в летописи рядом, одна за другой. Зритель невольно сравнивает их и задумывается над замыслом художника, создавшего столь разные образы трубачей. Мастер лаконично, но удивительно ясно выразил свое понимание событий и дал им нравственную оценку.

Не менее жестокими и кровавыми были междоусобные распри в родственном клане Владимировичей. Здесь противостояли друг другу внук Мономаха, Изяслав Мстиславич, и сын – Юрий Владимирович Долгорукий. Около десяти лет длилась эта борьба за великокняжеский стол, принесшая неисчислимые беды мирному населению Руси. Кровавую страницу в средневековую историю вписали сражения, происходившие летом 1151 г. В летописи подробно описывается ход битвы, и ее основные этапы отображаются в 11 миниатюрах [9, с. 189]. Особенно ожесточенным было сражение при Руте, ему посвящено пять миниатюр. Русские князья разделились на два враждебных лагеря: одни были на стороне Юрия Долгорукого, считая законными его притязания на киевский стол, другие поддерживали великого князя Изяслава. Активную роль не столько в сражениях, сколько в грабежах мирного населения играли половцы, приглашенные Юрием Долгоруким. К примеру, подступив к Чернигову в воскресенье, князь не хотел обнажать меча в праздник, но велел половцам жечь и грабить окрестности города [10, с. 198].

В ходе битвы при Руте был такой эпизод: князь Андрей Юрьевич (позднее Боголюбский), которого по храбрости и удали сравнивали с Изяславом, предпринял вылазку, не дождавшись главных сил. В летописи сообщается, что князь изломал копьё, потерял шлем и щит, но раненый

конь вынес его невредимым: «Божьимъ заступлениемъ и молитвою родитель своихъ сохраненъ быть безъ раны» [11, с. 191]. В этой «злой сече» был ранен в руку князь Изяслав, но в итоге он вышел победителем: войска Юрия Долгорукого, союзных князей и половцев, спасаясь бегством, многих потеряли при переправе через тонкий Рут. В четырех миниатюрах изображены моменты боя, переданные в условно-реалистической манере. Одна из них носит название: «Начало сражения при Руте: вылазка князя Андрея Юрьевича». Дружинники, возглавляемые князем Андреем, в полном воинском облачении, вооруженные копьями, верхом на лошадях наступают на противника. Один из отступающих воинов загородился щитом, у других копья направлены в сторону от преследователей, что свидетельствует о бегстве. На князе вместо шлема – княжеская шапка сферической формы – символ власти. Полагаем, что здесь изображен начальный этап вылазки. В последующей миниатюре представлен заключительный момент боевых действий дружины князя Андрея.

Авторы описания миниатюр Радзивилловской летописи – М. В. Кукушкина, О. А. Белоброва, А. А. Амосов и И. Н. Сергеева – дали этому изображению следующее название: «Поле битвы при Руте после поражения дружины Андрея Юрьевича» [12, с. 376]. Действительно, на переднем плане, на земле, мы видим шлем, щит, воинский стяг – все в соответствии с текстом

летописи. Но в отличие от других миниатюр, эта решена в образно-символическом ключе, что придало ей религиозно-философское звучание, далеко выходящее за рамки конкретного события. Картина наполнена символами беды и смерти. Княжеский стяг изображен на фоне черного провала пещеры. В средневековой семантике это символ небытия. Соединив указанные детали, художник лаконичным приемом создал образ, свидетельствующий о гибели множества воинов, сражавшихся под княжеским знаменем.

Поле боя не усеяно «мертвыми костями», но художник искусным приемом показал, что смерть собрала обильную жатву. В центре миниатюры он изобразил двух птиц – одну на земле, другую в воздухе, с широко распахнутыми крыльями; ее горящий глаз и мощный клюв выдают хищника, прилетевшего за добычей. На условном языке древнерусского искусства один предмет мог означать множество: одно дерево – рощу, одна птица – стаю. Средневековый зритель именно так мог воспринимать созданный художником образ: стаи хищных птиц слетелись на страшный пир, который устроили им люди, не умеющие жить в мире.

Олицетворением человеческих пороков, толкающих на вражду, служит павлин, который входит в комплекс изображений, символизирующих гибель княжеской дружины. В христианской символике павлин интерпретируется как образ тщеславия,

надменности, гордыни. Но корыстолюбивые побуждения князей, вызывавшие вражду и усобицы, зачастую скрывались под благовидными мотивами. Так, Юрий Долгорукий, возглавивший поход против Изяслава, откликнулся на просьбу Святослава Ольговича – освободив от неволи свергнутого с киевского престола великого князя Игоря Ольговича. Но князьям было отлично известно об истинных причинах воинского усердия Юрия Долгорукого и многолетней усобицы, которая закончилась только с его утверждением в статусе великого киевского князя в 1155 г. Образом павлина художник умело срывал лицемерную маску с хитрого и вероломного «Гургия», чьи усобицы принесли немалый вред жителям Руси.

Подобный авторский замысел мог осуществиться только среди противников Юрия Долгорукого при условии создания летописи этого периода в скриптории киевского князя. В исследовании Б. А. Рыбакова содержатся убедительные доказательства того, что у владимирских составителей летописного свода была именно киевская летопись Изяслава Мстиславича, из которой взято более 70 миниатюр [13, с. 293-295]. Невозможно установить, как проводился отбор рисунков, но вероятно, потомки Юрия Долгорукого не допустили бы негативной оценки его личности и мотивов действий. Тем более что в междоусобной борьбе активно участвовал Андрей Юрьевич, и, в конце концов, младшая

линия Мономаха утвердилась на столе великих князей, перенеся его во Владимиро-Суздальскую Русь.

В левой части данной миниатюры мастер изобразил популярного в средневековом искусстве единорога. В «Физиологе» он трактовался как образ смерти, постоянно преследующий человека. Мы не видим животное полностью, но создается впечатление, что для художника важно было изобразить его рог. Средневековые люди верили, что он наполнен смертоносным ядом и именно от него исходит гибель. Не случайно это орудие смерти повернуто в сторону от поля битвы – там уже не осталось живых, оно грозит другим, взявшимся за меч.

Оценивая миниатюру в целом, мы можем сказать, что художник создал произведение большой выразительной силы и эмоционального воздействия. Собрав во едино символы смерти, он показал тот трагический итог, к которому приводят княжеские усобицы. Художественными средствами он выразил идеи, с которыми выступали лучшие представители княжеской среды и духовенство, увещевая воинственных князей. В. О. Ключевский приводит отрывок из «Слова о князьях», обличавшего княжеские усобицы, призывавшего к братолюбию и миролюбию: «Слышите князья, противящиеся старшей братий и рать поднимающие и поганых наводящие на свою братию. Не обличит ли вас Бог на Страшном суде? Святые Борис и Глеб по-

пустили брату своему отнять у них не только власть, но и жизнь, а вы одного слова стерпеть брату не можете и за малую обиду смертоносную вражду поднимаете, призываете поганых на помощь против своей братии. Как вам не стыдно враждовать со своей братией и единоверными своими!» [14, с. 270].

На князей пытались воздействовать своим авторитетом святые подвижники православной церкви, такие как Антоний и Феодосий Печерские, но их увещевания наталкивались на укрепившиеся в сознании политические и моральные стереотипы, сложившиеся на опыте предков. Как известно, русская история X-XII вв. изобиловала примерами беспощадной борьбы за власть между ближайшими родственниками. Закон Ярослава о наследовании при всем его несовершенстве остановил чреду убийств князьями родных братьев, происходивших на рубеже X-XI вв. Поначалу ясный порядок старшинства и очередности невероятно осложнился с разрастанием рода Ярослава, но в политическом сознании господствовала мысль о необходимости справедливого распределения княжеских владений. Вот главная моральная установка. Все остальное – приглашение иноземных войск, страдания и разорение мирного населения от усобиц – имело для большинства князей второстепенное значение.

Иное политическое сознание и иная мораль формировались в народе, особенно

в разных слоях городского населения. Главной задачей князя и его дружины здесь считали оборону границ, особенно южных рубежей и торговых путей, и с этих позиций в первую очередь оценивали его деятельность. Поскольку князья постоянно передвигались со стола стол и не прикреплялись к месту владения, редко возникали прочные связи между городом и князем, но их отношения с середины XII в. Определялись договорами. Города отстаивали свои местные права, не считаясь с законом о старшинстве, приглашая на стол нужных князей, изгоняя неугодных. Они не прощали князьям их союзов со степными кочевниками, которые, помогая в наследственных спорах князей, всегда уходили в степи – с пленными, с награбленным имуществом и скотом.

Эти представления средневековых городских жителей разделяли и художники, иллюстрировавшие летопись. С большим сочувствием они изображали сцены похищения русских людей. На миниатюре летописи «Захват и угон половцами жителей из окрестностей Киева» представлены горькие плоды набега половцев на Киев в 1171 г. Скупно пишет летописец: «Тое же зимы приидоша половцы на Киевскую сторону и взяша множество сель за Киевом и с людьми, и с кони, и скоты, и поидоша со множеством полономъ в половци» [15, с. 220]. Конечно, картину надо видеть, а не описывать ее содержание, но все же, следует сказать, что с большим мастер-

ством художник передал суть трагического события: жестокие враги подгоняют толпу женщин ударами бича, неотвратимость беды воплощает прямо сидящий всадник с поднятым мечем; в толпе плененных видны согнутые горем фигуры людей; охранник гонит молодых мужчин со связанными руками. Из последующего текста и миниатюр мы узнаем, что брат Андрея Боголюбского Михаил Юрьевич догнал половцев, разгромил их и освободил 400 человек [16, с. 221].

Особенно грустные чувства вызывают миниатюры о захвате и разгроме Киева в 1203 г. Летописец с горечью пишет: «Генваря 2 взять бысть Киевъ Рюриком, и Олговичи, и всею половецкою землею. И сотворися велико зло в Руской земли, якоже зла не было от крещения в Руской земли» [17, с. 247].

На миниатюре «Расправа над жителями Киева в январе 1203 года» представлена расправа над жителями Киева. Не щадили никого: старых и немощных избивали, молодых – мирян, священнослужителей, монахов – угоняли в половецкий плен. На переднем плане справа мы видим иерарха высокого ранга с длинной седой бородой: художник изобразил нимб вокруг его головы – символ святости (Ю. А. Рыбаков считает, что на миниатюре изображен митрополит // Радзивилловская летопись. Т. II, с. 299). Много усилий прилагала церковь, чтобы привить своей пастве христианскую мораль. Нравствен-

ная проповедь, забота о воспитании истинного христианина были главными направлениями ее деятельности. Печальный итог подвели летописцы на рубеже XII-XIII вв. Великокняжеский стол был перенесен Андреем Боголюбским во Владимир и не было серьезной защиты у древнего Киева, который для многих поколений князей был когда-то недостижимой мечтой.

При анализе источников – посланий средневековых авторов – знаменитый французский медиевист Жак Ле Гофф предлагает исходить из гипотезы, что в историческом источнике запечатлено иное сознание, что перед нами – другой. У этого другого иные политические представления, ценностные ориентации, выработанные обществом в ходе исторического развития [18, с. 78].

Проведенный анализ миниатюр Радзивилловской летописи подтверждает эту точку зрения. Междоусобные войны происходили не из-за того, что князья отличались повышенной агрессией и любовью к войне. Многие из них были чрезвычайно религиозны, чтити евангельские заветы, ощущали себя единой семьей, родом Ярославичей, которому был завещан определенный порядок владения Русской землей.

В политическом сознании князей сложилась достаточно четкая система представлений, на основе которой они старались ориентироваться в путанице своих родственных связей и пересекавшихся

экономических интересов. Помимо идеи о нераздельности владения Русской землей, важнейшее значение придавалось справедливости при определении места каждого князя в порядке очередности по старшинству. Реализация этого принципа была зачастую неразрешимой задачей в огромной княжеской семье, где смешивались генеалогическое и физическое старшинство. Право на военное разрешение спора князя считали юридической нормой и руководствовались ею в своей политике. Но кровавые междоусобные войны осуждались представителями разных социальных слоев средневекового общества, что нашло отражение в миниатюрах Радзивилловской летописи. Художники, иллюстрировавшие лаконичный летописный текст, находили приемы, позволявшие с помощью изобразительных средств показать трагическую суть княжеских распрей, приводивших к бессмысленной гибели людей, разорению Русской земли. Миниатюры убедительно свидетельствуют о том, что духовной жизни средневекового общества домонгольской эпохи формировались идеи, которые, вслед за А.И. Клибановым, можно назвать «гуманистическим христианством» [19, с. 54]. Они призывали к «миролюбию и братолюбию», которые не позволяют разгораться усобицам и обеспечивают защиту Русской земли и ее народа от внешних врагов.

Данный источник помогает понять роль и значения научного познания в фор-

мировании модели музея XXI века, в раскрытии информационного потенциала предметного мира человека, на основании чего возможно создание условий для усовершенствования концептуального подхода к проектированию экспозиций и отражения в них исторической реальности.

Литература

1. Данилевский И. Н. Древняя Русь глазами современников и потомков (IX–XII вв.) / И. Н. Данилевский. – М., 1999. – 324 с.
2. Сарабьянов Д. В. Некоторые методологические вопросы искусствознания в ситуации исторического рубежа / Д. В. Сарабьянов // Искусствоведение. – 2005. - № 1. – С. 5-15.
3. Разгон А. М. Музейный предмет как исторический источник / А. М. Разгон // Проблемы источниковедения истории СССР и специальных исторических дисциплин. – М., 1984. – С. 115-119.
4. Рыбаков Б. А. Миниатюры Радзивилловской летописи и русские лицевые рукописи X-XII веков / Б. А. Рыбаков // Радзивилловская летопись. Текст. Исследование. Описание миниатюр. – СПб., М., 1994. – Т. II. – С. 76-81.
5. Радзивилловская летопись. Текст. Исследование. Описание миниатюр. – СПб., М., 1994. – Т. II. – 384 с.
6. Рыбаков Б. А. Указ. соч. / Б. А. Рыбаков. – С. 76-81.

7. Ключевский В. О. Сочинения / В. О. Ключевский. – М., 1987. Т. I. – 226 с.
8. Радзивилловская летопись... Т. I. – 303 с.
9. Там же.
10. Карамзин Н. М. Предания веков / Н. М. Карамзин. – М., 1987. – 198 с.
11. Радзивилловская летопись... Т. I. – 384 с.
12. Радзивилловская летопись... Т. II. – 298 с.
13. Рыбаков Б. А. Указ. соч. / Б. А. Рыбаков. – 456 с.
14. Ключевский В. О. Указ. соч. / В. О. Ключевский. – 270 с.
15. Радзивилловская летопись... Т. I. – 303 с..
16. Там же.
17. Там же.
18. Ле Гофф Жак Цивилизация средневекового Запада / Жак Ле Гофф. – М., 1992. – 547 с.
19. Клибанов А. И. Духовная культура средневековой Руси / А. И. Клибанов. – М., 2004. – 275 с.

У статті розкривається значення Радзівілівського літопису не тільки як джерела знань про домонгольський період середньовічної Русі, але й як музейного джерела, важливого для комплектування музейних фондів та експозиційного проектування.

Ключові слова: мініатюри, ілюстрована летопись, княжеські усобиці, символіка, витвори живописі, інтерпретація художніх витворів, музейна експозиція.

Given article is devoted to the significance of Radzivilovsky's chronicle not only as source of knowledge about before Mongolian period of medieval Russia, but also as museum source, important for complication of museum funds and exposition designing.

Key words: the miniatures, the illustrated chronicle, princely intestine wars, symbolics, painting products, interpretation of works of art, a museum exposition.